

К вопросу о причинах этносоциальных конфликтов

© В.А. Иноземцев¹, Н.Л. Баграмянц¹, М.Л. Ивлева²

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия

Проведен социально-философский анализ ряда неомарксистских и либеральных концепций, таких как концепция зависимого развития, концепция смещения мировых центров и других, в которых социальные противоречия и социальное неравенство понимаются как важнейшие причины возникновения этносоциальных конфликтов. Установлено, что процессы глобализации и информатизации не устраняют, а видоизменяют природу и функции этносоциальных конфликтов, которые изучены в качестве имманентного фактора стратегии регионального развития. Исследованы причины возникновения этносоциальных конфликтов, такие как региональная интеграция и дезинтеграция. Обоснована идея о том, что определенные формы этносоциальных конфликтов как социальных противоречий детерминированы видом регионального развития. Осуществлен социально-философский анализ феномена богатства в контексте социальной динамики и проблемы инноваций. Этносоциальные конфликты исследованы как конфликты, которые соотносятся с феноменами богатства и бедности в их предметно-вещном и финансовом воплощении, а также в информационно-символической интерпретации.

Ключевые слова: этносоциальные конфликты, неомарксизм, либерализм, социальные противоречия, социальное неравенство

Формирующийся в последние десятилетия вариант информационного постиндустриализма не является гуманистической альтернативой прежней индустриально-рыночной цивилизации, и многие исследователи не исключают возможности перехода в новом типе общества к еще более жестким формам эксплуатации человека и природы. Разработанная западными авторами техноцентрическая модель постиндустриализма основывается на тезисе о том, что связанная с технологиями дематериализация богатства включается в систему мирового информационно-электронного обмена и ведет к абсолютному росту символического капитала, в отношении к которому могут быть задействованы этносоциальные противоречия и конфликты.

Если в условиях индустриального общества финансовые кризисы возникали в результате сбоя в сфере производства и потребления, то в постиндустриальной экономике биржевые манипуляции и виртуальные «финансовые пузыри» в целом определяют состояние экономики глобализирующегося мира. Деньги не зависят от труда и ресурсов, их значительные потоки перераспределяются в сферы массмедиа, информационных ресурсов, социальных сетей.

Становление постиндустриального общества ведет к цивилизационным сдвигам, перераспределению ресурсов, оставляя почти неизменными функции управления, распределения и потребления. Лидеры мировой экономики становятся участниками общепланетарной финансовой игры и перераспределения ресурсов, оставляя все негативные последствия индустриального производства на долю развивающихся стран. Так считают представители концепции «зависимого развития», разрабатываемой преимущественно в рамках латиноамериканского варианта неомарксизма, основоположником которой является аргентинский экономист Р. Пребиш [1].

Основная идея Пребиша состоит в том, что мировая капиталистическая система представляет собой единое целое, разграниченное на центры, включающие в себя высокоразвитые индустриальные державы, и периферию, которую составляют страны третьего мира. Страны периферии находятся в экономической зависимости от центров, что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость. Важнейшая причина отсталости стран периферии — выкачивание центрами существенной части их доходов.

В поздних работах Пребиша указанная концепция перерастает в концепцию периферийного капитализма. Суть ее заключается в том, что капитализм стран периферии качественно отличен от капитализма центров. Он функционирует и развивается во многом по иным законам. Представители данной концепции утверждают, что развитые индустриальные центры не только не стремятся способствовать модернизации стран периферии, а всеми силами препятствуют ее экономическому и политическому обновлению.

Позднее на основе концепции периферийного капитализма возникает концепция зависимо-ассоциированного общества. Один из ее представителей — бразильский ученый и государственный деятель Ф.Э. Кардозу отмечает, что взаимодействие развивающегося Юга и высокоразвитого Севера ведет к тому, что на территории стран третьего мира транснациональные корпорации проводят лишь модернизацию отдельных отраслей экономики и формируют национальную элиту. Само общество в странах третьего мира сохраняет традиционный характер, а модернизированная сфера выступает как средство, с помощью которого корпорации сохраняют архаичные экономические уклады и препятствуют развитию этих стран в условиях глобализирующегося мира [2].

Приоритет экономики либерального типа, с точки зрения авторов концепции зависимого развития, приводит к завершению идеологической эволюции человечества и распространению либеральной демократии как доминирующей разновидности политического управления. На практике реализация принципов либерализма как в материально-производственной сфере, так и в области духовной жизни происходит

в течение длительного переходного периода. В центре внимания современной либеральной идеологии находятся экономическая выгода и эффективное управление, удовлетворение изоциренных запросов потребителя, решение глобальных проблем современности. Неолиберальная программа формирует новый мир постглобализма, в котором доминируют локальные противоречия, региональные стратегии повседневности, что ведет к нарастанию конфликтности, в том числе в области этнических взаимоотношений.

Близкой к концепции зависимого развития является концепция смещения мировых центров, представляющая один из вариантов мир-системного анализа. Один из наиболее значимых представителей такой концепции — немецкий исследователь А.Г. Франк, длительное время проживший в странах Латинской Америки. Согласно этой концепции, происходит смещение и перераспределение ролей между странами периферии как источниками материальных ресурсов для повышения эффективности экономического развития центров, а также перенос наиболее трудоемких и энергозатратных производств в страны периферии с дешевой рабочей силой.

Источником данных изменений, по мнению сторонников указанной концепции, выступает коренное изменение отношений периферии и центров на уровне понижения макроцикла, началом которого становится финансовый и экономический кризис в центрах. Согласно концепции смещения мировых центров, при анализе проявлений глобализации следует опираться на идею цикличности развития как социума в целом, так и экономики в частности. Поэтому процессы экономического развития описываются с точки зрения «повторяющихся циклов обновления мирового хозяйства, при которых “центры гегемонии” модернизируют свою депрессивную политико-экономическую систему за счет периферийных территорий» [3, с. 9]. При сохранении данных тенденций развивающиеся страны Юга становятся сырьевыми ресурсами для высокоразвитых стран Севера.

Таким образом, согласно различным концепциям неомарксизма, процессы глобализации и информатизации общества не устраняют, а видоизменяют природу и функции этносоциальных конфликтов.

Вместе с тем неомарксисты в качестве еще одной из ведущих причин этносоциальных конфликтов наряду с глобализацией и информатизацией общества считают регионализацию. Поскольку региональное развитие происходит в различных вариантах, то и стратегии регионализации можно подразделять по разным основаниям.

Среди стратегий регионального развития исследователи выделяют два типа регионализации: дезинтеграционную и интеграционную. В случае первого типа регионального развития реализуется стратегия решения экономических, социальных, политических и других проблем

с позиций первостепенности потребностей и интересов своего региона. Следствием становления этой тенденции являются расцвет сепаратизма, стремление к автономизации. Во втором случае происходит создание новой идеологии, основанной на собирании одновекторных элементов, т. е. общественно-политических систем, имеющих общие цели развития. В качестве подобного рода конгломератов выступают общества, отличающиеся базовыми характеристиками: историческим прошлым, этническим составом, политической культурой и т. п. В реальности процессы интеграционной и дезинтеграционной регионализации взаимосвязаны, протекают одновременно, что дает возможность интерпретировать их как стороны единого политического процесса.

Иным вариантом стратегии регионального развития предстает наличие обоих общих источников развития, что происходит в особых случаях: с одной стороны, при стремлении к построению гомогенного общества, с другой — когда признается невозможность для национального государства быть единственным ведущим фактором международных отношений. Поэтому в данных случаях налицо тенденция к интеграции в международные союзы.

По своему содержанию и функциям направления регионального развития отличаются друг от друга, вследствие чего этнические проблемы, порождающие конфликты на национальной почве, детерминированы различными причинами, протекают в определенных формах и приводят к различным результатам.

При выборе стратегии интеграционной регионализации этносоциальные конфликты становятся следствием глобализации, реакцией на неравенство между развитым Севером и развивающимся Югом. При выборе стратегии регионального развития следует не только учитывать перспективы изменений в экономической, политической и духовной сферах, но и прогнозировать возможные варианты зарождения и вызревания конфликтов на этнической почве. В этом ракурсе следует согласиться с позицией неомарксистов в том, что каждый вид регионального развития детерминирует определенные формы этносоциальных конфликтов как социальных противоречий.

В наибольшей степени вероятны и масштабны этносоциальные конфликты при региональном развитии дезинтеграционного типа, поскольку стратегии дезинтеграции основаны на национальных программах и преференциях. Эти стратегии включают «попытки создать связанные, целостные страны (посредством национализма или сепаратизма), системы верований (посредством оживления разных религий), культур (посредством организации лингвистических или культурных движений) и попытки создать группы интересов с определенной этничностью» [4, р. 8].

Конфликты, при которых этнос стремится к созданию национальной независимой государственности или воссоединению с соседним родственным государством, принято обозначать как сепаратистские. Исследователи отмечают, что по своей природе этот вид конфликтов является наиболее трудно разрешимым.

Таким образом, в неомарксизме в качестве причин этносоциальных конфликтов выделяют процессы региональной интеграции и дезинтеграции, которые предстают как факторы актуализации этнонациональной идентичности, неудовлетворенности социальными условиями жизнедеятельности и попытками изменения социальной реальности на основе вербализации собственных интересов и потребностей.

Кризисные явления, характерные для циклически развивающейся глобальной экономической системы, провоцируют сепаратистские и националистические движения. Идеология этих движений основывается на национальной идее и региональной стратегии развития. Социальная нестабильность и кризис являются благодатной почвой для конфликтогенности и этносоциальных противоречий. При отсутствии социальных потрясений и кризисов этносоциальные противоречия и конфликтогенность не исчезают, а лишь переходят в «спящий режим», принимая формы идей сохранения культурной и этнической идентичности, следования национальным традициям, развития этнографической и фольклорной культуры.

В современном неомарксизме выделение «конфликтогенных параметров» есть «конфликтологическая развертка» классического деления общественных отношений на экономические, политические и идеологические. В соответствии с этим тезисом социальные конфликты также подразделяются на экономические, политические и идеологические. Однако особенностью современного состояния проблемы является осознание того, что однозначное выделение указанных феноменов невозможно. Все эти сферы тесно связаны, в основе политического конфликта — различие и противоположность экономических интересов, которые проходят через сознание и захватывают область идеологии.

Наряду с неомарксистским подходом к проблематике социальных и этносоциальных противоречий и конфликтов значительный интерес представляет либеральный подход к данной проблематике. Это связано с тем, что данный подход дает интересную трактовку проблемы инноваций.

Суть либерального подхода к проблеме социальных противоречий состоит в том, что в его рамках эта проблема связывается с функционированием капиталистических отношений, предполагающих предпринимательский тип личности. Одним из наиболее ярких представителей либеральной трактовки предпринимательского типа личности и связанной с ним проблемы инноваций выступает австрийский исследователь

Й. Шумпетер. В анализе динамики экономических систем как способов достижения равновесия («конкурентного равновесия») производительных сил Шумпетер полагает, что развертывание инноваций означает появление новых производительных функций, оказывающих влияние на преобразование всей системы хозяйствования. Если стабильность есть исходное условие стратегии организации хозяйственной жизни, то актуализация инноваций запускает механизм развития качественно нового экономического цикла.

Шумпетер трактует инновацию как константу жизнеспособности капиталистической системы, появление новых производственных комбинаций (использование новейших производственных технологий, синтез неизвестного ранее продукта, адаптация новых рынков сбыта и новых сырьевых ресурсов). Таким способом создается питательная среда капитализма, первейшим принципом существования которого является экономическое развитие. Капитализм Шумпетер трактует и как метод экономических и социальных изменений, и как форму существования экономики, причем акцент делается на аспекте изменчивости и динамичности.

С позиций предлагаемого Шумпетером подхода эволюционные параметры экономического развития и социальной динамики интерпретируются через взаимосвязь природной, социальной среды и предприимчивости людей. «Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия» [5, с. 126]. Процесс «созидательного разрушения» оценивается как проявление сущности современного капитализма. При этом движущей силой трансформаций хозяйственного уклада является предприниматель. Бизнесмен предстает как особый психосоциальный тип, характеризующийся такими чертами, как настойчивость, стремление к достижению поставленных целей, авантюризм и героическая ангажированность эмоционального самочувствия. Предпринимательская деятельность, по мнению Шумпетера, выступает причиной подъемов, видоизменяющих экономические отношения, которые возникают вследствие нарушения равновесия при производстве новых товаров или применении новых методов.

Инновационная деятельность, с одной стороны, предстает как стимул роста, а с другой — не всегда встречает понимание некоторых членов общества, сталкивается с сопротивлением социальной среды. Данные факторы способствуют формированию особых качеств личности, определяемой как психотип предпринимателя. Способности такого рода присущи лишь небольшой части населения и определяют как предпринимательский тип, так и предпринимательскую функцию. Основная

установка — действие «делать дела». «Такая роль не может сравниться славой с ролью больших и малых средневековых военачальников, также есть или была одной из форм индивидуального лидерства, основанной на авторитете личности и личной ответственности за успех» [5, с. 171, 172].

Капиталистической системе хозяйствования, наряду с инновационными факторами развития, присущи механизмы, сдерживающие и девальвирующие предпринимательский импульс. Расширение страты бюрократии и чиновничества, автоматизация и компьютеризация производства сужают возможности реализации предпринимательской активности, предстают как вновь возникающие источники конфликтов. Можно согласиться с выводом Шумпетера, что развитие капитализма повсеместно притупляет капиталистическую инновационную мотивацию — так капиталистическая система подрывает себя изнутри, провоцируя новые социальные конфликты.

Еще один крупный представитель либерального подхода к проблеме социальных противоречий и социального неравенства Ф. Хайек находит ее истоки в осуществлении инновационной деятельности и наличии развитой системы рыночной конкуренции. Анализируя принцип действия конкуренции как основополагающий механизм развитой рыночной экономики, Хайек демонстрирует, что пространство конкурентной борьбы работает как машина по созданию ранее неизвестных экономических феноменов (производственных артефактов, способов производства, отраслевой структуры). Конкуренция представляет собой определенного рода гносеологическую операцию, в результате которой конструируются феномены и практики, расширяющие границы антропологического опыта, что необходимо для понимания природы этносоциальной конфликтности: познавательные процедуры скоррелированы с опытом существования групп и опытом повседневности. «Конкуренция всегда дает хорошие результаты, и не только в экономике, когда неизвестно, кто лучше исполнит определенную миссию... Конкуренция — процесс, посредством которого люди получают и передают знания. Она ведет к лучшему использованию способностей. Ценность конкуренции состоит именно в том, что, будучи процедурой открытия, она непредсказуема. В противном случае в ней бы не было никакой необходимости» [6, с. 49, 50].

Пространство конкурентной борьбы запускает процесс постоянного открытия нововведений, в результате чего обогащается человеческий опыт. «Для свободного общества характерно отсутствие общей иерархии целей. Существование согласия по поводу целей ведет к упрощению жизненного процесса, а допустимость несогласия или хотя бы отсутствие принуждения к конформизму — основа цивилизации. Так рыночные механизмы создают все новые каналы использования знания» [6, с. 60, 61].

Существование в обществе социальных противоречий и неравенства, согласно Хайеку, является закономерным. В итоге конкурентной борьбы возникает некоторая форма распределения доходов. В конкурентной борьбе в обществе определяются ниша деятельности и доля каждого из его членов, происходит своеобразная селекция, утверждается правовой порядок. Таким образом, конкуренция и инновации приводят к социальному неравенству, которое законодательно закрепляется.

Глобальные экономические изменения ведут и к новым вариантам рассмотренных подходов. Социальные условия и деятельность сообществ в постиндустриальную эпоху существенно видоизменяются. Ж. Бодрийяр отмечает, что политическая экономия и ее классические термины и стратегии анализа в настоящее время представляют собой симулякры: прибыль, прибавочная стоимость, товарный фетишизм. Диалектика капитала теперь разворачивается напоказ как референтный дискурс. Однако данный референт мнимый: «Капитал ищет себе алиби уже не в природе, Боге или морали, а прямо в политической экономии, в ее критике, и живет внутренним саморазоблачением — в качестве диалектического стимула и обратной связи. Вот почему в “дизайне” капитала играет такую важную роль марксистский анализ. В этом случае действует сценарий... кажущаяся автономия политической экономии позволяет эффективно воспроизводить правила символической игры капитала, его реальную власть над жизнью и смертью, которая основана на коде и постоянно подстегивает политическую экономию, делая из нее свое... прикрытие для своей непристойности» [7, с. 89].

Актуальность данных выводов подтверждают получающие все большее распространение новые способы конструирования социального пространства посредством получения, трансформации и использования новых знаний. Особую роль в этих процессах начинают играть факторы, возникающие в виртуальном пространстве, в сетевом сообществе, посредством которых происходит интенсификация внутрикультурных коммуникаций, ускоряются процессы этнической идентичности и сплоченности сообществ. При этом принадлежность к этническому сообществу способствует формированию этнических предпринимательских характеристик, активизации бизнес-структур.

Крупномасштабные социальные преобразования влекут за собой реформирование государственного устройства и органов управления, формирование гражданского общества. На усиление глобализационных тенденций повлияли революционные изменения в сфере информационных технологий, благодаря чему экономика знания сама становится глобализированной. «Однако стремительное распространение информации подрывает традиции и устои, навязывая активный подход к жизни. Связанная с этим глобализация непосредственно обуславливает возникновение новых рисков; определяет плату за эффективное управление одновременно динамичными и несущими угрозу сторонами рискованных действий» [8, р. 65].

Общественное богатство измеряется уже внутренними критериями сложившейся сверхсимволической системы, т. е. степенью интенсивности привлечения информационных технологий и интеллектуальной энергии, в то время как способы осуществления общественной власти основываются на знании. Динамическое развитие информационного и сервисного секторов современной экономической системы привело к тому, что богатство утратило материальное воплощение (земля, капитал) и обрело на сегодня символическую репрезентацию. Единым эквивалентом, единой валютой культурного производства и обмена становится информация. В этих условиях социокультурному субъекту, претендующему на экспансию, уже невозможно опираться исключительно на рост производительности труда — императив постоянного повышения и расширения стандартов продукции требует привлечения интеллектуальных работников, конкурентно значимых в пространстве всеобщей борьбы за контроль над информацией.

В русле тематики этносоциальной конфликтности можно сделать вывод, что изменившийся характер научно-технического и социогуманитарного знания, ускоряющиеся темпы его специализации и распространения приводят к слиянию глобального и локального уровней трансформации общества. При этом, как часть социальной структуры, этнические сообщества имеют возможности и равные права к доступу и распределению потоков информации и знаний: «Мощные микротехнологии позволяют осуществлять на локальном уровне то, что в прежние времена возможно было сделать только на уровне государственной экономики» [9, с. 239]. Таким образом, все современные формы созидательной деятельности и культурной динамики поставлены в зависимость от сверхсимволического производства, доминирование в поле которого гарантирует господствующее положение во всей сложности социоэкономических связей.

В контексте исследований постиндустриального общества следует отметить, что производство в классическом марксистском смысле как выведение ранее не известных производственных технологий и стратегий коллективной жизни (форм коммуникаций, экономического обмена) сменяется новыми формами организации и оборота информации. В ракурсе социальной иерархии все преобразования социокультурного пространства осуществляются теми, кто, во-первых, имеет доступ к широкому спектру информационных каналов, а во-вторых, обладает социальным признанием в качестве создателя эффективных комбинаций получаемого знания.

Следовательно, поскольку капитализм существенно изменился в современных условиях тотальной коммуникации, соответственно изменилось формирование сознания этносоциальных сообществ. Под воздействием информационной среды происходит становление этнического сознания, в котором полем деятельности предстает весь мир.

В условиях формирования современной системы хозяйствования невозможно рассмотрение этносоциальных конфликтов как одиночных, изолированных. Не следует забывать, что имманентной составляющей таких конфликтов всегда выступает этническое сознание и идентичность. В свою очередь, изменение условий, масштабности и интенсивности этнических противоречий приводит к изменению ментальных и психологических компонент самосознания социального субъекта. Сложно не согласиться с мнением М. Маклюэна, что личность в современных условиях, благодаря образовательным трансформациям и технологии грамотности, приобрела возможность действовать не реагируя. Характеристиками деятельности социализированного индивида становятся индивидуализм, отрешенность и отчуждение от ее результатов, сосредоточенность на процессе и саморепрезентация. Основой изменений выступает радикальная перестройка перцептивного поля, позволяющая действовать, привлекая, во-первых, все достижения научной картины мира, во-вторых, способность не включаться целиком в производимые действия, в-третьих, возможность использования Интернета как источника информации, в-четвертых, стремление воспринимать эту информацию как истинную, без сомнений и проверки. Данная тенденция ведет к формированию безответственных и сосредоточенных на собственном существе субъектов [10].

Таким образом, в моделировании конфликтогенных процессов необходим учет нового фактора виртуального информационного пространства, производящего и воспроизводящего не только символические планы и акции, но и провоцирующие реальные столкновения интересов этносоциальных групп. При этом виртуальные, но управляемые конфликтные ситуации могут иметь весьма отдаленное отношение к тому, что происходит в действительной жизни этих этносоциальных групп.

Обращаясь к типологии этносоциальных конфликтов как разновидности социальных конфликтов, следует отметить, что существуют различные типологии этих конфликтов. Наиболее естественной является классификация, основанная на выделении специфики социальных субъектов. Как сторона социального противоречия, социальный субъект предстает в качестве носителя конфликтных отношений. Субъектом предельной степени модальности является общество. Данный термин можно употреблять, во-первых, для обозначения человечества в целом, во-вторых, для обозначения какой-либо конкретной этнической общности, которая в разные исторические эпохи предстает в виде племени, затем народности (народа), современной нации, оформленной политически в виде государства. Наибольший интерес представляет понимание общества во втором случае. При таком понимании общества можно выделить этносоциальные конфликты нескольких типов.

Этносоциальные конфликты первого типа представляют собой конфликты между этносами, имеющими собственную государственность.

Субъектом этносоциальных конфликтов в таком понимании выступают суверенные государства, обладающие собственным военным, экономическим, политическим потенциалом. Как правило, в разрешении такого рода конфликтов основная роль принадлежит международному праву, однако далеко не всегда правовые отношения достигают максимальной эффективности в разрешении конфликтной ситуации. Нередко политические интересы доминируют над правовыми нормами, опираясь на идеи суверенитета, национальной государственности.

Этносоциальные конфликты этого типа не только оказывают непосредственное влияние на этническое самосознание его участников, но и заставляют его участников принимать определенные исторические вызовы. В результате анализа этносоциальных конфликтов первого типа можно констатировать, что их результатами являются становление национальных государств, их международное признание и разрешение конфликтов.

Второй тип этносоциальных конфликтов — конфликты этнических групп внутри одного общества, имеющего государственность. Предметом такого типа конфликтов выступают территория проживания и степень суверенности имеющихся или желаемых территориальных единиц (в рамках данного государства) либо борьба за отделение. Однако такого рода конфликты не полностью предопределены бытием этносов — их инициаторами выступают этнические лидеры и региональные элиты.

Третий тип этносоциальных конфликтов — конфликты между социальными группами внутри данного этноса. Неомарксисты рассматривают все указанные конфликты как имеющие классовую природу, полем актуализации конфликтности в которых выступает не суверенное государство, а система глобализованного капитализма.

Особую актуальность получают исследования проблемы толерантности в соотношении с конфликтами. Алгоритмы поведения социальных субъектов детерминируются не только комплексом теоретических мировоззренческих установок, но и спецификой массовой и групповой психологии. Особую ценность представляет данный вывод в условиях полиэтничного региона: формой «культурного реванша» выступает формирование регионального самосознания — в тех случаях, когда региональное сознание центрировано этносоциально, в нем могут возобладавать конфликтные импульсы. В свою очередь, из-за военных действий ухудшается положение одной или нескольких этносоциальных групп, что ведет к межэтническим конфликтам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве»), проект № 21-511-07002.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пребиш Р. *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* Москва, ИЛА, 1992, 337 с.
- [2] Cardoso F.N. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley, University of California Press, 2009, 277 p.
- [3] Франк А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад. *Латинская Америка*, 1993, № 2, с. 3–12.
- [4] Eriksen Т.Н. Of Individual and International Identities Notions of Nationalism and Nationhood. *UN Chronicle*, 2009, vol. 36, no. 4, pp. 3–14.
- [5] Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. Москва, Экономика, 1995, 540 с.
- [6] Хайек Ф.А. *Познание, конкуренция, свобода*. Москва, Директ-Медиа, 2007, 237 с.
- [7] Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Москва, Добросвет, 2000, 387 с.
- [8] Giddens A. *The Third Way and its Critics*. Malden, Polity Press, 2010, 198 p.
- [9] Тоффлер А. *Футурошок*. Санкт-Петербург, Лань, 1997, 464 с.
- [10] Маклюэн М. *Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры*. Киев, Ника-Центр, 2004, 432 с.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Иноземцев В.А., Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л. К вопросу о причинах этносоциальных конфликтов. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 6.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-6-875>

Иноземцев Владимир Александрович — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: inozem_63@mail.ru

Баграмянц Нонна Левенбертовна — канд. филол. наук, доцент кафедры «Английский язык для приборостроительных специальностей» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nonnalev@yandex.ru

Ивлева Марина Левенбертовна — д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой «Социальная философия» Российского университета дружбы народов. e-mail: marinanonna@yandex.ru

On the issue of causes of the ethnosocial conflicts

© V.A. Inozemtsev¹, N.L. Bagramyants¹, M.L. Ivleva²

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, 117198, Russia

The paper presents socio-philosophical analysis of a number of neo-Marxist and liberal concepts including the concept of dependent development, the concept of the shift of the world centers and others, where social contradictions and social inequality are understood as the most important causes of the ethnosocial conflicts. It is established that the globalization and informatization processes do not eliminate, but modify the nature and functions of the ethnosocial conflicts, which are analyzed being an immanent factor in the regional development strategy. Causes of the ethnosocial conflicts, such as regional integration and disintegration, were studied. The idea is substantiated that the regional development types determine certain forms of the ethnosocial conflicts such as the social contradictions. A socio-philosophical analysis of the wealth phenomenon is carried out in the context of social dynamics and the problem of innovation. Ethnosocial conflicts are studied as conflicts that correlate with the wealth and poverty phenomena in their material and financial embodiment, as well as in the information and symbolic interpretation.

Keywords: ethnosocial conflicts, neo-Marxism, liberalism, social contradictions, social inequality

The research was carried out with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the Research Project («Ethno-Social Identity at the Intersection of Cultures in the Changing Social Reality in the Post-Soviet Space»), Project No. 21-511-07002.

REFERENCES

- [1] Prebish R. *Peripheral Capitalism: Does it have an alternative?* Mexico, 1981, Fondo de Cultura Economica [In Russ.: Prebish R. Periferiyiny kapitalizm: est li emu alternativa? Moscow, ILA Publ., 1992, 337 p.].
- [2] Cardoso F.N. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley, University of California Press, 2009, 277 p.
- [3] Frank A.G. Shift of the world centers from East to West [Smeshchenie mirovykh tsentrov s Vostoka na Zapad]. *Latinskaya Amerika — Revista Iberoamérica*, 1993, no. 2, pp. 3–12.
- [4] Eriksen T.N. Of Individual and International Identities Notions of Nationalism and Nationhood. *UN Chronicle*, 2009, vol. 36, no. 4, pp. 3–14.
- [5] Shumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, Harper and Brothers, 1942 [In Russ.: Shumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. Moscow, Ekonomika Publ., 1995, 540 p.].
- [6] Hayek F.A. *Poznanie, konkurentsya, svoboda* [Cognition, competition, Liberty]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007, 237 p.
- [7] Baudrillard J. *L'échange symbolique et la mort*. Gallimard, 1976 [In Russ.: Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, 387 p.].

- [8] Giddens A. *The Third Way and its Critics*. Malden, Polity Press, 2010, 198 p.
- [9] Toffler A. *Future Shock*. Bantam, 1984 [In Russ.: Toffler A. Futuroshok. Saint Petersburg, Lan Publ., 1997, 464 p.].
- [10] McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. University of Toronto Press, 1962 [In Rus.: Maklyuen M. Galaktika Guttenberga. Sotvorenje cheloveka pechatnoy kultury. Kyiv, Nika-Tsentr Publ., 2004, 432 p.].

Inozemtsev V.A., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: inozem_63@mail.ru

Bagramyants N.L., Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Department of English for Industrial Engineering, Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: nonnalev@yandex.ru

Ivleva M.L., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia. e-mail: marinanonna@yandex.ru